

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И УТИЛИЗАЦИИ СТАРЫХ ВЕЩЕЙ

ЕЛЮТИНА Марина Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (E-mail: elutina133@mail.ru); ИВАХНОВА Анастасия Дмитриевна – аспирантка того же университета (E-mail: rigona@mail.ru).

Аннотация. На основе данных социологического исследования описываются практики использования и утилизации старых вещей в контексте повседневности, выделяются трудности, сопряженные с их утилизацией.

Ключевые слова: символическое пространство • старые вещи • практики утилизации • институты утилизации

Изучение материальных объектов, вещей как важного социального аспекта повседневной жизни началось сравнительно недавно. Во многом оно инициировано идеями Б. Латура и К. Кнорр-Цетины, в основе которых представление о вещи как ансамбле различных реальностей (экономической, политической, культурной), об обмене свойствами между человеческим и материальным миром, мысль о том, что вещь как ресурс социального взаимодействия конструирует дополнительные значения в контексте коммуникации, инициирует эмоции и сопереживания [Латур, 2003: 20–39]. Речь идет о ситуациях, когда вещи выступают не как простые реагенты, а начинают проявлять свое присутствие, заметно вмешиваются во взаимоотношения людей, из-за чего последние могут попасть в зависимость от них.

В настоящее время в отечественной социологии уже обозначились приоритетные направления научного поиска. 1. Изучение культурной биографии вещей [Гурова, 2005; Бредникова, Кутафьева, 2004; Орлова, 2004; Герасимова, 2004]. 2. Анализ динамики ценности вещи в контексте возрастных, гендерных отношений к артефактам, их рассмотрение в качестве конфликтогенных зон повседневной жизни [Елютина, 2009; Осорина, 2000; Тажидинова, 2010]. 3. Изучение практик потребления как новых, функциональных, современных вещей, так и приобретение, перемещение антикварных предметов в контексте их символических кодов и функций [Голофаст, 2000; Ильин, 2008; Малинкин, 2011; Шпаковская, 2004]. 4. Изучение отношения к вещам с точки зрения стиля, стилизации, моды [Басин, 1998; Гофман А., 2004; Ионин, 2000].

В рамках второго направления нас заинтересовал вопрос о повседневных практиках, с помощью которых осуществляется функционирование и утилизация старых вещей.

Старые вещи в контексте повседневности выступают средством для “калибровки” индивидуальных моделей поведения. При этом под старыми вещами мы понимаем вещи, имеющие солидный материальный возраст, не обладающие антикварной ценностью, локализованные в пределах домашнего пространства. Символическое пространство старых вещей конкретизируется следующими моментами: 1) как знак былого, наделенного подлинностью, имеющие выраженный “эффект запоминания”, что репрезентируется в “вещах семейной памяти”; 2) как возможность укрыться среди привычного и тем самым находиться в безопасности, предохраняя глубинную ирреальность внутренней жизни человека; 3) как некий хранитель смыслов культуры, которые передаются из поколения в поколение посредством традиции создания определенного типа вещей, канона использования; 4) как благородный отпечаток

времени, особое чувство удовлетворения и восторга, когда они приобретают налет давности, традиции, памяти о значимом прошлом.

В российском контексте наряду с растущей массой новых вещей в повседневной жизни присутствуют старые, что всегда корреспондирует с ценностным отношением к старым вещам. В результате складывается ситуация, обусловленная следующим:

1. Ограниченность ресурсов. Около половины населения страны не имеет возможности активного потребления, что не соответствует рекламируемым стереотипам жизни, находится, по выражению Т. Адорно, в роли едока, которому приходится довольствоваться меню. Зачастую модные, но не доступные вещи, маркируются как невозможные для использования в своей повседневной жизни. Кроме того, в нашей стране в течение длительного периода доминировал острый потребительский дефицит, что делает российских потребителей недостаточно приспособленными и защищенными. Отсюда ориентация не на покупку новой вещи, так как рынок наводнен подделками и вещами низкого качества, а на переформатирование старой вещи.

2. Актуализация экономного поведения в контексте риска нанесения вреда здоровью при использовании вещей, сделанных из определенных материалов. Речь идет о ситуации, “когда вещи дают сдачи” [Латур, 2003]. Экологическая экспертиза окружающих предметов с позиции здоровья нередко направляет действия людей к реставрации старых вещей, сделанных из природного чистого материала.

3. Интерес к старым вещам инициируется винтажным вектором развития современной моды. Наблюдающийся в последнее время взрыв вещной “ностальгии” (китч), интереса к предметам быта прошлого, не представляющих художественной ценности, несомненно свидетельствует о тоске по вещам прошлого, обладающих аффективной ценностью.

Однако рано или поздно от старых вещей освобождаются. С целью получения представления о практиках использования и утилизации старых вещей в контексте повседневности мы провели качественное исследование. Сбор и анализ материала проводился с помощью неструктурированного неформализованного интервью. Была применена целеориентированная выборка (преднамеренно выбирались люди, представляющие информационно значимые случаи, о которых имелись предварительные сведения). Эмпирическая база представлена 29-ю глубинными интервью с мужчинами и женщинами со средним и высшим образованием 1937–1990 г. р., активно ведущими домохозяйства (люди прямых действий – принимающие решения по поводу организации повседневной жизни и несущие ответственность за них). Опрашивались жители города Саратова (сентябрь 2010 – ноябрь 2011 гг.).

По результатам исследования оказалось, что практики поддержания функционирования и утилизации вещей весьма вариабельны по своему характеру и объему. Функционирование старой вещи осуществляется на двух уровнях: активного использования и/или хранения и предполагает следующие основные стратегии.

1. Стратегия вынужденного или добровольного сосуществования со старыми вещами. Данная стратегия реализуется в следующих практиках. **А). Практика выживания** во многом связана с резким имущественным размежеванием, социальным неравенством. В условиях хронической нехватки денег вещи в какой-то степени являются гарантией выживания при высоких социальных рисках, что напрямую связывается с “умением вести хозяйство”: навыки реставрации вещей (шитье, штопка и другие виды ремонта), экономное, бережное хранение и поддержание их функциональности, постоянная ревизия собственных действий в отношении к вещам. *“Постепенно вещи ветшают, а купить новые не на что. Ухожу на работу и почти каждый день напоминаю детям, как надо осторожно обращаться с газовой плитой, так как горят только две конфорки, не хлопать дверцами на кухонных шкафчиках, иначе они просто отвалятся, как пользоваться кастрюлей без ручек, чтобы не обвариться...”* (женщина, 34 года).

В то же время длительные материальные тяготы инициируют продажу личных вещей.

“Я сначала мучилась долго – ну как так, я торговать пойду... Стыдно. Но нет другого выхода. И потихоньку, потихоньку, сначала носила ценные вещи – вот ангелок бронзовый от матери остался. Продала его. Барометр старый, подсвечник.... А потом уж ничего такого ценного не осталось, стала свои старые вещи носить. Книги, одежду детскую. С ними же аккуратно обращались, у книг страницы не порваны, не обляпаны, одежда, конечно, ношенная, но годная. И мамочке какой-нибудь молоденькой пригодится, и мне копеечка” (женщина, 71 год).

Б). Практика “непрекращающегося потребления” старых вещей. Этой стратегии придерживаются в основном представители старшего возраста, первичная социализация которых прошла в советский период, когда вещи были достаточно “скромными и пассивными фигурантами” быта, а отношение к ним – бережное, с использованием многочисленных практик их пролонгированного использования. “Вот у меня есть специальный мешок с тряпками, где всегда можно найти вещь, подходящую на данный момент. Красишь что-то – выбираешь тряпочку ... Ну, там затереть чего-нибудь, ванна грязная – беру какую-нибудь пожестче тряпочку и оттираю. Для пыли, для пола, для всего у меня есть свои тряпочки. Или остались, к примеру, обрезки линолеума, который стелили на пол. Ну, они такие узенькие, казалось бы, куда их деть? Я думала-думала, а потом поняла – есть стеллаж, в сарайчике на даче. Там дощатые полки. И когда вытираешь пыль, часто занозишь руки. Я вытерла доски и положила туда нарезанные кусочки линолеума – теперь просто и хорошо. Я вообще стараюсь ничего не выкидывать из вещей, а, по возможности, приспособить для чего-то полезного в хозяйстве” (женщина, 64 года).

В). Практика трансформации старых вещей, когда они обретают “вторую жизнь”, “из наивного обихода перемещаются в категорию культурных причуд” [Бодрийар, 1995]. Речь в данном случае идет о введении обычных вещей в новую смысловую систему и приобретении ими нового символического значения. “Из старых лампочек перегоревших я сделала новогодние украшения... Игрушки и купить можно – сейчас столько всего продают, красивые такие. И прозрачные, и с блестяшками, но дорогие очень – один шарик рублей сто стоит, если не больше. Да и одинаковые они все. А я взяла эти лампочки, покрасила их, нарисовала разные рожицы смешные, где-то бороду из ваты приклеила, где-то вату или нитки сверху вместо волос. Потом связала колпачки разноцветные, приделала нитки и можно на елку вешать. Получились такие смешные гномы... Дочке так понравилось, что она тоже стала их делать, общается к мамину хобби” (женщина, 35 лет).

2. Стратегия репрезентации и меморизации старых вещей, включающая следующие разновидности практик. **А). Коллекционирование,** предполагающее включение вещи в символическую цепочку, определенную систематизацию вещей, упорядочение их на определенном континууме и в пространстве-времени. “Коллекционирование началось давно, с елочных игрушек, которые мне достались по наследству, многие из них еще от прабабушки сохранились. Среди них оказались очень красивые. И не тот ширпотреб, который у нас в магазинах продают, а что-то действительно ценное. Первое мое приобретение в коллекцию – это елочный шар 30-х годов, я купила его на блошином рынке. Стала по сайтам собирать информацию, а потом и покупать разные редкости. Уже шесть лет этим занимаюсь, теперь у меня есть специальная витрина для хранения коллекции: в ней уже больше трехсот экземпляров, в основном начала века. Мой принцип – чем старше” (женщина, 27 лет).

Мотивы коллекционирования могут быть самыми разными: в данном случае в его качестве выступает наличие старых игрушек, которые дали толчок к возникновению заинтересованности, что привело впоследствии к утрате намерения утилизировать старые вещи, к желанию увеличивать их количество, руководствуясь соображениями личного интереса. Коллекционирование – это почти всегда пристальное вглядывание в глубину вещи, когда отдается предпочтение глубинной тени, а не поверхностной ясности. “В моей коллекции есть старая ваза из японского хрусталя. Это – особый хрусталь, с прожилками, содержит в глубине примесь какого-то непрозрачного твердого вещества, кажется, что видишь причудливые тени прошлого” (мужчина, 47 лет).

Б). Практика резервирования, реализующаяся в “коллажной” организации опыта собирательства, где в соседстве старых вещей отсутствует внутренняя необходимость, поскольку их предпочтение определяется каким-либо случайным признаком: настроением, “уместностью” на данный момент, убеждением “что всё в хозяйстве пригодится”, спонтанно возникающими целями. *“Я никогда просто так не гуляю, я всегда что-то ищу, присматриваюсь ко всему, соображаю для чего та или иная вещь может мне пригодиться. Дома я сделал специальный шкафчик. Чего там только нет. Правда, в нем уже нет свободного места, жена ругает, что дом захламляю. По-другому не могу, у меня все должно быть под рукой”* (мужчина, 59 лет). Наш респондент все старые вещи складывает и совершенно ясно, что далеко не всеми он когда-либо воспользуется. Нередко старые вещи персонализируются, большинство из них никогда не поступит в практический обиход, но они включены в стратегический жизненный маршрут их владельца. *“Моему архиву много лет, начал собирать его еще в молодости. Газеты, журналы интересные. Конечно, в этой [предназначенной для хранения архива] комнате надо прибраться.... Когда-нибудь дойдут руки. Но вы представляете, какие там ценности?! Это же жизнь страны на протяжении нескольких десятков лет. Пластины, кассеты, кинохроника, книги, учебники – их сейчас уже нигде не достать ...”* (мужчина, 74 года).

Представляется, что в практиках резервирования и коллекционирования имеет место намерение успешной капитализации вещей, выраженное в той или иной степени и форме. В обоих случаях речь идет о стремлении к их умножению. Разница же заключается в определенной селективности коллекционирования и случайном соседстве вещей в контексте практики резервирования. Иногда практика резервирования принимает деструктивную форму “растяжения вещей вширь”, когда старые вещи сохраняются и никак не используются, постепенно занимая все имеющееся жилое пространство. К. Бергфельд и Ш. Денсон разработали специальную пяти-уровневую шкалу измерения деструктивного отношения к вещам. Первый уровень описывается следующим образом: свободный доступ к дверям и лестницам; беспорядок в доме не чрезмерный; безопасные условия проживания. Пятый уровень характеризуется явными повреждениями дома: разрушением стен; отсутствием электроэнергии, водоснабжения или канализации; кухня и ванная комната непригодны к использованию из-за загромождения; жильцы предпочитают спать вне дома (в машине, во дворе дома и т.п.) из-за малопригодности дома для обитания [Bergfeld, 2011].

В). Практика собирания ностальгически актуальных старых вещей, которые становятся предметами биографического семейного декора. По аналогии с “местами памяти” П. Нора [Франция-память, 1999: 17–50] можно говорить о “вещах семейной памяти”, в которых “память кристаллизуется и находит свое убежище”: семейные портреты, альбомы, изображения детей, документы. Они являют собой базовые “строительные блоки”, на основании и вокруг которых происходит семейная артикуляция, конструируются неявные правила семейных интеракций. Имеют место определенные презентационные ритуалы каких-либо важных событий или персон, которые являют собой семейный информационный, воспитательный ресурс. *«Ну как можно выбросить, например, старые фотографии? Это же все равно, что выкинуть на помойку все свое прошлое, историю свою, историю семьи. Ведь там и свадьба моя и какие-то памятные события, и дедушки, бабушки, прабабушки, и фотографии друзей и подруг с дарственными надписями. У меня есть портрет моей прабабушки Анастасии, по семейному преданию, сильной и волевой женщины. В нашей семье, если кто совершает неблагоприятный поступок, обязательно говорят: “Бабушка Анастасия этого бы не одобрила»* (женщина, 60 лет).

Как показали результаты нашего исследования, реализация **стратегии утилизации старых вещей** отличается большим разнообразием. Мы выделили следующие практики, с помощью которых реализуется данная стратегия.

1. Практика избавления от старых вещей, когда они номинируются в качестве хлама и выбрасываются на мусорку.

“Принцип здесь простой: надоела вещь, я ее выбрасываю и заменяю новой. Вопрос только в том, какой формат замены – поменять дизайн в целом или какую-то его часть” (мужчина, 32 года). Но и здесь можно выделить особую практику “бережного избавления”. Наши респонденты указали на тот факт, что вещь “еще вполне пригодную, в хорошем состоянии” они аккуратно складывают рядом с мусорными контейнерами, так как есть люди, которые тотчас же уносят эти вещи. *“Приличные мужские сорочки я даже на плечики вешаю, потом иду по своим делам, смотрю, а их уже нет” (женщина, 58 лет).*

2. Практика передачи старых вещей “из рук в руки”: обмен книгами между незнакомыми людьми, подразумевающий оставление книг в определенных местах (буккроссинг), обмен одеждой (дресскроссинг), обмен открытками (посткроссинг). В настоящее время данная практика приобрела значительную популярность главным образом в молодежной среде в связи с постоянной потребностью в живом общении, а также в рамках различных экологических движений. *“Мне кажется, в последнее время люди стали слишком зависимыми от новых технологий всяких, от Интернета.... А так приятно получить вещь, сохранившую тепло чьих-то рук. Я поэтому посткроссингом и стала заниматься – люди уже давно друг другу писем не пишут на бумаге, а тут достаешь из почтового ящика конверт, а там открытка, ручной работы. Я часто свои открытки из старых делаю, из тех, которые еще от бабушек-дедушек остались. Там такие рисунки, которые и не встретишь сейчас” (женщина, 27 лет).*

Многослойный обмен предполагает цепочку последовательных действий, расчет на ответные действия. Он, как правило, агрегирует и прагматический (получить вещь в свое распоряжение), и информационный, и развлекательный моменты. *“Моя дочь, в общем-то, относится к вещам... рационально. Она с подругами обменивается одеждой, аксессуарами. Кто-то похудел или, напротив, набрал вес, просто вещь надоела или старому платью надо придать новый лоск, поменяв аксессуары. Получается, что девчонки и общаются, и одновременно решают свои проблемы с гардеробом” (женщина, 51 год).*

3. Практика благотворительности. Речь идет о безвозмездной передаче старых, но сохранных вещей нуждающимся людям с целью удовлетворения социальной потребности быть субъектом помощи и поддержки, быть нужным и востребованным. Наши респонденты указали на определенные трудности в реализации данной практики, связанные с “затратами личного времени”, отсутствием “отработанного механизма передачи вещей”, “рекламы и информации о пунктах сдачи вещей”, с “неопределенностью сведений об адресантах помощи”. *“Все вещи отдаем соседке, она на пенсии, у нее много свободного времени, она их в православный храм относит. Сам несколько раз пробовал отвезти в детский дом, но там какие-то бюрократические штучки: встретили не совсем любезно, велели подождать, а времени нет, развернулся и уехал” (мужчина, 34 года).*

“Я очень хочу кому-нибудь помочь, но не знаю, куда отнести вещи. Слышала, что проводятся благотворительные сборы вещей для детских домов, интернатов, но где, когда и кто их проводит, не знаю” (женщина, 41 год). Этот вид практики сродни “феномену священного, лежащего в основе социальных порядков” [Гофман И., 2000], а потому нуждается в заинтересованном ожидании, ритуальном уважении и моральном одобрении.

4. Практика продажи с целью получения материальной выгоды. Данный вид практики может осуществляться следующими способами: через аукцион, путем чистой продажи или посредством избавления от вещей на блошиных рынках, которые стали неотъемлемым элементом городского пространства. Продажа через аукцион чаще всего осуществляется с помощью Интернет-ресурсов, что позволяет достичь цели быстро и получить за товар максимальную цену, тогда как посещение блошиных рынков предполагает, помимо достижения конечного результата осуществление акта продажи, получение информации, общение. Приверженцами данной стратегии являются в основном представители старшего возраста. *“Вот ты знаешь, какая у меня пен-*

сия? А тут вышла, одно продала, второе.... Вроде маленькая, а копеечка. Конечно, и тяжело, возраст-то, сама понимаешь. Но я не завишу ни от кого, и детям помогать продолжаю, хотя они, конечно, говорят, чтобы я дома сидела. А что мне дома? А тут у меня все бабки знакомые: одна спросила, как здоровье, вторая – про внуков, я иду, а со мной все здороваются” (женщина, 73 года).

Респонденты указали и на умельцев, которые за копейки скупают у них старые вещи: сломанные утюги, стиральные машины, пылесосы, ремонтируют, обновляют и продают. *“У меня сосед-студент, во время каникул сидит в сарае и ремонтирует купленную им за гроши рухлядь. Такой рукастый, что и не скажешь, что это бывшая сломанная, изношенная вещь. А потом продает, деньги выручает. У него хорошо идет: приборахлился, новый компьютер купил, мотоцикл. Молодец, зарабатывает своими руками”* (мужчина, 68 лет).

5. Практика тайного избавления. Выбор данной практики чаще всего обусловлен наличием в семье определенного конфликта, чаще всего межпоколенного, и осуществляется, как правило, представителями среднего или молодого возраста по отношению к старшим членам семьи. *«А мы с бабушкой вместе живем. Я иногда с боем избавляюсь от барахла. Иногда приходится все делать тайно. Потому что я точно знаю, если вещь старая, сломанная и ненужная и я ее выброшу, бабуля будет возражать: “Вот если бы сейчас была война, пригодилась бы, пошла в дело, да и дорога она для меня”. А какое там дело, там рухлядь всякая, полны шкафы, а новые вещи класть некуда»* (женщина, 28 лет). Такую позицию молодого поколения можно частично объяснить эффектом транскрипции, в результате которого за скобками неизбежно остаются чувства и переживания старшего поколения, связанные с дорогими их сердцу, старыми вещами. Старые вещи для пожилого человека – это не внеположные сознанию объектные формы, а лично интегрированные структуры, определяющие сюжетные линии биографии. Они не имеют некоего конечного значения, это живое, растущее, становящееся, меняющееся значение. Поэтому для пожилого человека замена старой вещи на новую всегда будет неэквивалентной.

6. Практика “размусоривания” или “охота за хламом”. Данная практика как определенный способ ведения домашнего хозяйства предполагает систематическое зональное зондирование пространства дома для обнаружения и последующего избавления от ненужных вещей, в первую очередь от старых. В соответствии с этой практикой, получившей название “флай-леди” (возникла в США в 1999 г.: “хлам нельзя организовывать, от него можно только избавиться”), оставляют только те вещи, которые используются постоянно или вызывают положительные эмоции, а не раздражение или чувство вины. С распространением Интернета эта практика набирает все большую популярность и в настоящее время насчитывается более 50 тыс. ее последователей только в России. *«Выбираю определенную зону в доме с целью очистить ее от ненужных старых вещей, которые хранятся по принципу “авось пригодятся”. В первую очередь это относится к просроченным продуктам, лекарствам, посуде, тряпочкам и губкам на кухне, но это может быть и мебель, белье..., да все, что угодно»* (женщина, 31 год).

Такая практика часто выступает не только в качестве способа для очистки жилого пространства (в том числе и для последующего его заполнения новыми вещами), но и в качестве способа психологической разрядки. *“Когда выбрасываю вещи, чувствую, что освобождаюсь от накопившегося груза негативных эмоций, ощущаю себя равной с другими”* (женщина, 31 год).

Происходит разрядка, состоящая в снятии (на период “размусоривания”) и социальных дистанций, и всех прочих различий в связи с наличием некоего универсализма (каждый человек располагает правом по своему усмотрению расставаться с принадлежащими ему вещами).

7. Практика избавления от старых вещей через институты утилизации (пункты приема стекла, цветных и черных металлов, макулатуры, комиссионные магазины). Сдача вторсырья и макулатуры в специальные приемные пункты, по мнению наших респондентов, популярностью не пользуется. Это объясняется следующими

причинами: во-первых, труднодоступностью данных учреждений (*“расположены не в центральных районах, а у черта на куличках”*; *“чтобы сдать утиль, надо груженным через весь город ехать”*); во-вторых, отсутствием выгоды (по последним данным, стоимость тонны макулатуры составляет от 350 до 3000 р.); в-третьих, обеспокоенностью их деятельностью в правовом и моральном отношении; постоянно обсуждается вопрос о введении все более строгих ограничительных мер (в первую очередь речь идет о деятельности пунктов приема черных и цветных металлов). Поэтому к данному способу утилизации прибегают в основном те, кого заботят экологические проблемы. *«Я в течение всего года собираю все бумажные упаковки. Аккуратно их в угол складываю. А потом мы с мужем едем и сдаем все это в пункт приема макулатуры. Здесь не в деньгах дело, я просто не могу по-другому. Вот внучку постоянно ругаю, когда она мусор мимо урны бросает. “А, что, ба?” Ну как это что – это же труд людской, и к тому же ты в этом городе живешь, ну неужели приятно жить на помойке?!»* (женщина, 62 года).

Мы столкнулись с фактами уничтожения домашних библиотек, которые собирались в основном старшим поколением. Это происходит тогда, когда молодое поколение в семье оценивает книгу как вещь, вышедшую из моды, не имеет привычку к чтению, иногда даже опасается бытовых неудобств, связанных с книгами, занимающими место, накапливающими пыль. *“Я же филолог, собирал книги довольно долго. Теперь сдаю все. Потому что читать уже мне тяжело. А наследники теперь НЕ читают. Книги их не интересуют вообще, и я понимаю, что книги не заинтересуют их уже никогда....”* (мужчина, 74 года).

“А зачем хранить хлам? Можно себя сколько угодно уговаривать, что это пригодится когда-нибудь, книги дети потом читать будут.... Не будут – будущее за новыми технологиями. Кому сейчас вообще это интересно? Я вот мужу так и сказала, что после ремонта никаких открытых полок с книгами. Все самое необходимое – в шкаф, а остальное можно попробовать сдать в букинист. Кому нужны эти пылесборники, когда можно купить электронную читалку и пользоваться ею” (женщина, 37 лет).

Наши респонденты указали и на тот факт, что если раньше можно было реализовать “лишние вещи” через комиссионные магазины, то теперь они вытесняются магазинами “Секонд-хенд”, которые не принимают у населения вещи на продажу, а реализуют импортные утилизированные вещи. *“Свои вещи мы не можем сдать в секонды, которые растут как грибы после дождя, а импортный утиль купить можем, далеко не всегда по низкой цене. Значит, мы потребляем чужой утиль и ... должны быть счастливы”* (мужчина, 48 лет).

8. Практика дарения – безвозмездная передача вещей другому лицу. Главное отличие дарения от благотворительности состоит в том, что объектом последней является индивид, нуждающийся в предмете передачи, в то время как при дарении данная составляющая необязательна. *«Ну, вот была у меня кукла шарнирная. В детстве мама купила каким-то чудом, я больше никогда таких не встречала. И пришла ко мне подружка, она старше меня немного, увидела ее и говорит: “Я бы в детстве душу за такую продала”. А у нее дочка маленькая. Ну, я ей эту куклу и отдала, подарила. И маме радость, и дочке»* (женщина, 22 года).

3. Практика утилизации с возвратом, когда за сдачу старой вещи получают бонус на приобретение новых вещей (российская программа утилизации старых автомобилей, акции утилизации мебели, техники, золотых украшений, старых оконных рам, проводимые коммерческими структурами). Этот вид практики утилизации не является инновативным. Люди старшего поколения вспоминают старьевщиков, которые ходили или ездили в повозке, запряженной лошадью, по дворам в 50–60-е годы прошлого века с громадными мешками и скупали все – *«...от одежды до бумажной макулатуры, а за определенный объем старых вещей или бумаги разрешалось выбрать главным образом самодельную игрушку. Детишки, для того чтобы получить какой-нибудь прыгающий мячик на пружинке, “сбывали” старьевщику весьма приличные вещи и ... получали нагоняй от родителей. Это их никак не останавливало и они в*

очередной раз с нетерпением ждали традиционный возглас: “Шурум-бурум, старье берем!” (женщина, 71 год).

Результаты нашего исследования показали существенные изменения во взаимоотношениях человека с обыденными вещами. До недавнего времени человек, укорененный в определенном месте, ощущал единение с вещами, со всем тем “бесчувственным, чьею крохотной единицей он был”. Эта связь с обыденным вещным миром приносила чувство защищенности, покоя и уюта. Напротив, ситуация попадания в непривычную вещную среду инициировала беспокойство, тревогу. В данном случае суть дела прояснил М. Пруст, показав, что человек, оказавшись на новом месте: “...в первую же секунду бывал морально отравлен незнакомым запахом... и убеждался во враждебности фиолетовых занавесок и наглом равнодушии стенных часов, стрекотавших вовсю...” [Пруст, 1992: 12]. Современный человек, чрезвычайно мобильный и втянутый в процесс тотального потребления, такого единения с повседневными вещами не испытывает, между ними складываются отношения селективной преемственности, а нередко имеет место и разрыв, сопровождающийся утилизацией, полным обновлением вещей. Современная социокультурная ситуация, процессы социальной сегментации и дифференциации в нашем обществе вносят свои коррективы во взаимоотношения со старыми вещами. Высокодоходные группы имеют возможность контроля над сроком жизни вещей, по своему усмотрению могут изымать вещи из повседневного контекста и заменять новыми. Достижение высокого уровня благосостояния создает дополнительные ресурсы жилищного пространства повседневной жизни. Этот люфт стал заполняться “избыточными” вещами, которые не являются необходимыми для поддержания повседневной деятельности, но выступают содержанием и формой индивидуального освоения культуры потребления и функционирования вещей. Стратегии выживания малообеспеченных предполагают поддержание функциональности старой вещи либо с помощью специальных правил, либо непрерывного обновления ее функции, либо постоянного просчитывания собственных действий в отношении к ней. Потребление, сохранение, включение в повседневную жизнь старых вещей во многом поддерживается винтажным вектором современной моды, о чем свидетельствуют, к примеру, регулярно проводимые международные ярмарки старых вещей, самая крупная из которых ежегодно проходит во Франции, в Лилле. Функционирование старых вещей в повседневной жизни обеспечивается в значительной степени и представителями старшего поколения, которые пытаются защитить свое прошлое от его произвольного толкования. Результаты нашего исследования позволили выделить вариативность практик утилизации старых вещей и связанные с воплощением этих практик определенные трудности. Последние обусловлены не только индивидуальными особенностями или некомпетентностью, но представляют некие универсальные константы: отсутствие информационной поддержки благотворительной утилизации, механизмов ритуального уважения и морального одобрения, маркирующих реальный статус данной практики, индивидуальная организация транспортировки вещей; отсутствие корпуса профессиональных агентов; разный статус информированности (И. Гофман) о деятельности институтов утилизации; вытеснение комиссионных магазинов “Секонд-хендами”. Практики использования и утилизации старых вещей в контексте повседневности выступают определенным индикатором существующего общественного порядка, структурируя взаимодействия и воспроизводя социальные иерархии, предоставляют возможность объединения и узнавания себя в другом, выступают определенной гарантией постоянства собственного “Я”, его самоидентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийар Ж. Система вещей. М., 1995.
Бредникова О., Кутафьева З. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. 2004. № 2.
Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2.
Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социол. журнал. 2000. № 5.

- Гофман А.Б. *Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения*. СПб.: Питер, 2004.
- Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни*. М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000.
- Гурова О. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 2.
- Елютина М.Э. Пожилые люди и старые вещи в повседневной жизни // *Социол. исслед.* 2009. № 7.
- Ильин В.И. *Потребление как дискурс*. СПб.: Интерсоцис, 2008.
- Ионин Л.Г. *Социология культуры: путь в новое тысячелетие*. М.: Логос, 2000.
- Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад "исследований науки" в общественные науки // *Вестник МГУ. Сер. "Философия"*. 2003. № 3.
- Малинкин А.Н. *Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры*. Серия "Исследования культуры". М.: ГУ-ВШЭ, 2011.
- Орлова Г. Апология странной вещи: "маленькие хитрости" советского человека // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 2.
- Осорина М.В. *Секретный мир детей в пространстве мира взрослых*. СПб.: Питер, 1999.
- Пруст М. *По направлению к Свану*: Пер. с фр. М.: Республика, 1992.
- Тажиудинова И.Г. Ценность вещей и повседневные практики взаимодействия с ними в условиях военного времени // *Теория и практика общественного развития*. 2010. № 2.
- П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. *Франция-память*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
- Bergfeld K. eds. *Clutter-hoarding Scale*. St. Louis, MO, 2011.

Научная жизнь

Социологи России. История социологии в лицах: библиографический справочник / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 539 с.

Это издание – история социологии в России (СССР) в лицах – жизнь и творчество людей, которые активно участвовали (и участвуют) в становлении, развитии и функционировании социологической мысли в XIX–XXI вв. Личностный характер описания основных жизненных вех и трудов социологов (многие библиографии даны в авторском изложении) показывают поиск и развитие новых идей, трансформацию уже сложившихся, а также практическое участие социологов в судьбе страны и науки.

Более подробная информация будет опубликована на сайте Института социологии. Заказать можно по адресу: www.unity.dana.ru. E-mail: unity@unity-dana.ru